

Живое прошлое

РОССИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ МОСКОВСКО-ОРДЫНСКОГО ПОЛИТАРНОГО ВЛАСТНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА (XII в. – 1917 г.)

А.П. Давыдов
Институт социологии РАН

Аннотация: Эта статья — о синкретическом механизме «власть-собственность-управление», который зародился в Владимиро-Суздальском княжестве в XII в., окончательно сформировался в Московско-ордынском имперско-племенном способе управления страной в XIII–XIV–XV вв., был основной социально-политической скрепой Московского царства/Российской империи в течение последующих веков и сохранился в советской и затем в постсоветской России почти в неизменном виде. Этот догосударственный механизм управления обладает постоянной структурой — «самодержавие», «крепостничество», «коррупцированный чиновник». В данной статье он именуется «политарным» (термин историка Ю.И. Семенова). Анализируется нарастающий раскол между политарной системой и демократическими сдвигами в ходе антикрепостнической реформы 19 февраля 1861 г., столыпинской реформы (1906–1911 гг.), либерализации управления страной в соответствии с манифестом 17 октября 1905 г., событий 1917 г. Но демократические процессы в 1861–1917 гг. не победили — слишком велика была толща исторически сложившегося обыденного сознания. Большевицкая революция стала победой наиболее почвенной из всех революционных партий, боровшихся за власть в 1905–1917 гг. и, следовательно, наиболее заинтересованной в сохранении российской политарности. Предполагается продолжение изучения российской политарной системы в советской и постсоветской модификациях с формированием методологии ее реформирования.

Ключевые слова: Россия, власть, собственность, управление, монополии, догосударственная стихия, реформа 1861 г., столыпинская реформа, манифест 17 октября 1905 г., революции 1917 г., олигархи.

Введение в постановку проблемы реформирования российской политарности

Эта статья — о синкретическом механизме «власть-собственность-управление», который зародился в Владимиро-Суздальском княжестве в XII в., окончательно сформировался в Московско-ордынском имперско-племенном способе управления страной в XIII–XIV–XV вв., был основной социально-политической скрепой Московского царства/Российской

империи в течение последующих веков и сохранился в советской и затем в постсоветской России почти в неизменном виде. В научной литературе этот механизм управления страной и способ общественного воспроизводства получил много названий: «естественное государство», «рентоориентированная экономика», «распределительная экономика», «экономика престижа», «тоталитарный», «азиатский», «деспотический», «политарный». В данной статье он именуется «политарным» (термин историка Ю. Семенова) для того, чтобы показать, что этот механизм был политическим, социально-экономическим основанием и докапиталистических отношений в России, и зарождавшегося в стране капитализма, и строившегося большевиками социализма, и нынешней постсоветской застрявшей между рынком и «распределительным социализмом» системой.

Эта статья также о том, что социальную эволюцию в России пронизывает конфликт (противоречие, раскол) между рыночно-демократической реформой, нацеленной на расчленение политарного синкретиза «власть-собственность-управление» на «власть», «собственность», «управление» и имперско-племенной антиреформой, нацеленной на его сохранение и укрепление.

***Зарождение московско-ордынского политарного властно-управленческого комплекса как одного из оснований русской культуры (XII–XVI вв.).
Конфликт с либеральными реформами (1861–1917 гг.)***

После разгрома Киева сначала русскими князьями под руководством суздальского князя Андрея Боголюбского в 1169 г., затем татаро-монголами (1237–1240 гг.) центр страны переместился на *северо-восток*:

- началась история великороссов — история «отцовского» принципа властвования; возникла «отцовская» культурная матрица, породившая «русскую систему» [Пивоваров, Фурсов 2001: 37], «власть-моносубъекта», «власть-милитаризатора» [Ахиезер, Клямкин, Яковенко. 2013];

- родился «боевой строй государства» (термин В.О. Ключевского), интерпретируемый как перманентное состояние войны и сопутствующая ему милитаризация государственного общественного быта и способа управления; сформировался идеал «государства-армии»/опыт «монгольского инкубатора» (термины И. Клямкина), который, вырастая из «отцовской» матрицы и «боевого строя государства», почти без изменений сохранился до настоящего времени;

- Боголюбский первым попытался основать независимую от Киева церковную митрополию в своем княжестве. Эта попытка успехом не увенчалась. Но процесс обособления пошел [Андрей Боголюбский], и этому процессу в решающей степени способствовали особые отношения Москвы с Ордой.

Историк К. Кавелин заметил, что с XIII в. развитие государственности протекало в наименее культурных северо-восточных областях Древней Руси¹, ссылки на татаро-монгольское завоевание для объяснения низкого культурного уровня нового общества недостаточно, и

¹ Н.М. Карамзин, опираясь на русские летописи, описывал быт северо-восточных славян (древлян, северян, кривичей, вятичей, радимичей) VI–IX вв., когда они заселяли финно-угорские земли Русской равнины: «Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с которыми они жили среди лесов темных, питаются всякой нечистотою; в распрях и ссорах убивали друг друга; не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов,...строили свои хижинки в местах диких, уединенных, среди болот непроходимых,...жен считали совершенными рабами,...боялись своих идолов,...уважали только силу,...приносили животных и людей в жертву богам,...пили ритуальную кровь,...жестоко эксплуатировали местное население (по другим источникам у древлян был обычай запрягать представителей местного финно-угорского населения в телеги — *А.Д.*), собирая с них дань,...северяне, радимичи и вятичи уподоблялись нравам древлян» [Карамзин 1988: 31–64].

значение ига сильно преувеличивается... Новое начало не было абсолютно новым. Уже в процессе распада киевской государственности формировались три системные альтернативные модели дальнейшего развития: Новгородская, Галицко-Волынская и Владимиро-Суздальская.

В Новгороде (а также в Пскове и в какой-то степени в Полоцке) сложилась модель города-государства, сходная с теми, что существовала в средневековой Европе (Генуя, Венеция, города Ганзейского союза и др.). Власть в Новгороде принадлежала вече, за спиной которого стояли бояре («олигархи»), которое нанимало варяжских князей с дружиной на срок для выполнения определенных функций — оборона города, осуществление судов, покорение племен, сбор дани и др. Таким образом, угроза раскола между князем и вечем упраздняялась договорно-правовыми отношениями и балансом сил — новгородское ополчение (до 40 тыс. человек) долго успешно отбивало попытки владими́ро-суздальских и московских князей покорить Новгород. Но эта модель не могла стать основой российской государственности, потому что была локальной — вече в масштабах страны не соберешь. Задача интеграции русского пространства Новгороду была не под силу. А потому не смог он устоять и перед Москвой, которая даже в период монгольской опеки и особенно после окончательного освобождения от нее интегрирующим государственным ресурсом (сильные князья со своим аппаратом управления) уже обладала.

В Галицко-Волынском княжестве (Владимир Волынский, Галич) к началу XIII в. князь, опирающийся на дружину, сохранял политическую власть. Он был владельцем всей территории княжества. Но в княжестве был и сильный слой бояр-землевладельцев, имеющих свои дружины и конкурирующих в борьбе за княжескую власть. Это было движение в сторону европейского феодализма. В соседних Польше и Венгрии земельная аристократия к тому времени была уже развитым феодальным сословием. Со временем этот тип модели в Европе эволюционировал в сторону либо королевского наследственного абсолютизма, либо как, например, в Польше, когда монарх избирался представителями знатных родов. Грамоты, которые выдавали князья юго-западного региона Руси, скреплялись не только княжеской печатью, но и печатями местных бояр. Однако, княжеско-боярские междоусобицы сотрясали это княжество, и в силу своей неустойчивости оно оказалось в конце концов разделенным между Литвой, Польшей и Венгрией.

Ситуация в северо-восточном Владимиро-Суздальском княжестве была принципиально иная. Возникновению сильного боярства в нем препятствовали прежде всего природно-климатические условия региона. Это был лесистый и болотистый край с бедными почвами, долгой зимой, частыми катастрофическими лесными пожарами, вызываемыми подсечно-огневым земледелием², бескрайними весенними разливами рек, ненадежными осадками, низкой и нестабильной урожайностью³, с удаленностью от международных торговых путей. Природные условия затрудняли развитие дорог, городов, торговли, товарного производства, рынков. Это было владение слабых бояр и сильных князей. Князья с дружинами приходили и для того, чтобы властвовать над местным славянским и финно-угорским населением, облагая его данью, и для того, чтобы приглашать новых людей на новые земли из других мест. Население колонистов быстро росло, потому что князья гарантировали существенные льготы, да и регион был отдален от степи и не подвергался набегам степняков. Князья в этих условиях владели территорией княжества как *личной собственностью*. «Мысль: это мое, потому что мной заведено, мной приобретено, — вот тот политический взгляд, каким колонизация приучала смотреть на свое княжество первых князей Владимиро-Суздальской Руси», — со-

² Каждые три года древняя и средневековая Русь/Россия, которая была стопроцентно деревянной, почти полностью выгорала [См. статистику в: Гольц 2002].

³ Хорошие урожаи случались примерно раз в семь лет [Гольц 2002].

общает специалист по первоисточникам истории Древней Руси И. Данилевский [Данилевский 2012: 22–24]. Рождалась «деспотическая монархия». Данилевский пишет: «Третий тип государственности, сложившийся на северо-востоке, — тот самый, который — увы! — развивается в нашей стране уже на протяжении многих сотен лет. Это — деспотическая монархия. Основу ее закладывает в XII веке Андрей Боголюбский, который изгоняет старшую дружину и остается с той организацией, которую мы до поры до времени не видим. Это „служебная организация“. Грубо говоря, обслуживающий персонал, состоящий из холопов, которые до того занимались лишь хозяйственными вопросами. Новое окружение, набранное князем Андреем из холопов, — это теперь уже не товарищи, а милостники, подручники. Мало того, он и со своими родственниками начинает поступать, как с подручниками... В.О. Ключевский одним из первых очень четко зафиксировал эту „самодержавную революцию“ Андрея Боголюбского... То есть линия Боголюбского — это не эпизод, не имевший продолжения, а заложенный им новый тип государства... Это та деспотическая государственность, которая стала потом воспроизводиться... Особенность деспотического государства заключается в том, что изменить его природу невозможно, а можно лишь устранить деспота, на место которого неизбежно придет другой деспот... Ордынское нашествие и включение северо-восточной и северо-западной Руси в сферу влияния Великой Монгольской империи лишь обеспечили этому процессу более благоприятные условия. А Иван Грозный просто доводит эту систему государственного управления до логического конца» [Данилевский 2012: 22–24]. Эти же оценки дает во всех своих работах и известный американский специалист по истории России Ричард Пайпс.

Одной из основных специфик развития Московии стало то, что московские князья, начиная с Ивана Калиты, получили от Орды право самим собирать для монголов и пересылать в Орду дань со всех русских земель. Российская община кроме осуществления своих традиционных функций обрела новую — она стала фискальным инструментом власти. Сбор дани существенно увеличивал финансовые ресурсы князей и даже позволил расширять подвластные территории. Москва стала всевластным подручным, деспотичным порученцем, иногда палачом Орды, это позволяло ей успешно переманивать бояр и у тех князей, земли которых Москве еще не принадлежали — бояре хотели служить только Москве. Возник феномен, который современные исследователи Ю. Пивоваров и А. Фурсов назвали «князобоярством» — зародышевая форма правления, которая определит существенную типологическую особенность отечественной государственности на столетия вперед. Через «князобоярство» формировались важные элементы будущей «русской системы» — консолидированные околовластные структуры служилых людей (фавориты, олигархи, опричнина, гвардия, партаппарат наряду с органами госбезопасности и т. д.), которые обеспечивали неприкосновенность монопольной власти царей, императоров, генсеков, президентов и блокировали развитие вокруг них конкурентной среды [Пивоваров, Фурсов 1996: 41]. Через князобоярскую опричнину/олигархат стала «воспроизводиться властно-социальная диспозиция, к которой Русь привыкла, адаптировалась за два примерно с половиной столетия монгольского ига. То есть это ордынский порядок, где в роли опричнины Орда, а земщины — Русь» [Пивоваров 2015: 56].

Если Киевская Русь развивалась на городской основе, международной торговле и государственном управлении с элементами выборной демократии и политической конкуренции, то основу возникшего сначала Суздальского, затем Владимиро-Суздальского княжества и затем Московского государства составляла деревня. Новые города, возводившиеся князьями и православными монастырями в большом количестве в XII в. на Северо-Востоке как пункты сбора дани с покоренных местных племен, были уже городами совсем иного типа, с международной торговлей не связанными и строящими социальную общность на основе деспотической государственности. Роль городского вече постепенно сходила на нет. По типу

культуры на смену Руси городской шла Русь сельская. Именно во Владимире, а не в Киеве — непосредственные истоки будущей Московии [Клямкин].

В этих условиях создавалась владими́ро-суздальская, московско-ордынская *социальная скрепа*, которая могла противостоять первобытному семейно-родовому, родоплеменному локализму древней русской культуры и укреплять централизованную государственность. Что представляла из себя эта скрепа? Это по определению историка Л.С. Васильева — «*власть-собственность с централизованной редистрибуцией*», то есть это — «когда власть абсолютна и первична, а собственность, коль она появилась, является ее функцией и потому полностью ей подвластна и подлежит перераспределению с ее стороны» [Васильев 2012: 24–28]. Таким образом, Васильев сформулировал триаду: «*власть — собственность — управление (централизованное перераспределение)*» как основание русской культуры в ее Владимир-Суздальском варианте и ставшем основным, а после разгрома Новгорода единственным способом общественного воспроизводства в России.

Культуролог и философ А.С. Ахиезер углубляет формулу Васильева, добавляя к ней идеологический момент: стиль правления, стоявший у истоков российской государственности, культивировал «архаический принцип нерасторжимости власти, собственности и жреческо-идеологических функций, что органически легло в основу новой государственности. Развитие по этому пути позволяет говорить о существовании типа *большого общества*, получившего название *азиатского способа производства*, фигурирующего также под названием *государственного способа производства* [Васильев 1985: 15], а также *политарного* [Семенов 1988: 158]. Его называют еще *кабально-общинным*, а также *потестарной (властной) формой*. Для него было характерно подчинение хозяйственной деятельности государству. Это общество может быть названо *синкретическим*, так как господство синкретизма сохранилось здесь в сфере ценностей, в стремлении ориентировать воспроизводство на тотемическое мышление. Оно ориентировано на нерасчлененность знания, ценностей, власти, собственности, социальных отношений, которые рассматриваются как результат активности внешнего для личности субъекта. Важнейший аспект тотемического мышления — стремление субъекта отдать себя под власть сильного, носителя тайн жизни, высших ценностей» [Ахиезер 2008: 119–120].

Историк русской культуры Е.П. Карнович (1823–1885) расшифровывает принцип организации, который в данной статье мы характеризуем через термины «*синкретизм*» и «*политарность*», объясняющие гипертрофированное развитие архаичной монополярной государственной основы. Он сообщает, что появление богачей во второй половине XVIII в. было результатом не торговли, как обычно полагают, а откупов и казенных подрядов, то есть подключения частных лиц к государственной монополии [Карнович 1874]. Ахиезер дополняет: «Слияние экономики с политической властью и рождение монополярного властно-управленческого комплекса происходило «не только в промышленности, но и, что особенно важно, в сельском хозяйстве. Не следует забывать, что помещик при крепостничестве выполнял функции государственного чиновника, воплощая, хотя... не всегда последовательно, крепостнические функции всего государства. Недостаточно осознано, что после 1861 года (автор имеет в виду комплекс либеральных реформ 60-х гг. XIX в., начавшихся с ликвидации Александром II крепостного права 19 февраля 1861 г. — *А.Д.*) изменилась форма, но не суть этого монополизма государства в деревне» [Ахиезер: 335]. Эту же мысль проводит В.О. Ключевский: «Облагая своих крестьян работой и оброком [землевладелец] по усмотрению, нередко обладая правом суда и полицейского надзора над ними, даже правом льготить их от государственного тягла, он (помещик — *А.Д.*) неизбежно становился ответственным посредником в их делах о казенных платежах и повинностях» [Ключевский 1988: 299].

Почему же этот политарный административно-полицейско-экономический механизм, управляющий воспроизводством общества, я называю синкретическим, а не синтетическим? Потому что он соединил в себе несоединимое. В боголюбско-доордынскую и особенно в московско-ордынскую эпоху его формирования, выполняя функцию обеспечения *выживания*, этот механизм выглядел как более или менее органический синтез, так как был унаследован из догосударственной палеолитической семьи, где глава рода, племени (орды), племенной империи был олицетворением абсолютной власти — был и владельцем собственности, и принимал окончательные управленческие решения по всем вопросам. По мере актуализации в России принципиально новой цели — *развития*, вызванных этой целью новых представлений о *полноте бытия* и появления разделения труда, формирования наемных и товарно-денежных отношений, прав сословий этот патриархальный синтез все более превращался в неорганичный, то есть в синкрезис, в «слипшийся ком» (термин писателя Виктора Ерофеева), а процесс его воспроизводства — в топтание на месте, «навозошаропроектирование» и «навозошаротолкание» (термины писателя Виктора Пелевина).

В чем проблема сегодня?

В идеале цель механизма управления обществом — развитие технологий производства товаров и услуг, и через совершенствование этих технологий — развитие общества, человека. Но реальность в России такова, что субъектность механизма управления развитием исторически принадлежит не профессионалам-управленцам, формирующим процесс социального развития в интересах общества, а высшему властному слою страны, осуществляющему свою власть в своих собственных интересах. Отсюда, по А.С. Ахиезеру — доминирование в России «монологичного государственного развития», или, по В.Е. Лепскому — «бессубъектного развития» [Лепский: 225]. Этот «бессубъектный» монолог, как бы произносимый свыше, эта «бессубъектная субъектность», в которой никто ни за что не отвечает, массовым сознанием воспринимается как органичная, единственно возможная и жизнеспособная система. Но на самом деле она внутренне глубоко дезорганизована, не эффективна, неконкурентоспособна и может существовать, лишь истощая ресурсы государства и общества.

Отсюда задача: чтобы воспроизводственный механизм «власть-собственность-управление» перестал быть синкретическим, то есть, попросту говоря, перестал существовать, его надо расчленить на автономные «власть», «собственность», «управление» и дать каждой его составляющей возможность действовать самостоятельно. А государственной власти надо поделиться своей властью с управлением. Руководитель Центра социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН А.В. Тихонов формулирует задачу:

«Надо освободить управление от несвойственных ему властных функций. Именно институт управления может стать демиургом той «социальной силы», которая способна организовать противодействие внешним и внутренним вызовам и обеспечить конструктивное решение назревших проблем нашего цивилизационного развития. Ради модернизации страны и регионов нам нужно сделать нечто похожее на то, что в свое время сделали в США, когда институционально разделили собственность и управление. Они, как известно, стали мировым лидером в области менеджмента. Настала очередь и нам сделать свой цивилизационный шаг вперед: отделить институт управления от института власти, как в свое время Петр I отделил от власти Русскую Православную Церковь. С тех пор мы живем, слава Богу, в светском государстве. В случае нового разделения вертикаль управления станет непосредственно отвечать за результаты государственной работы, соединяя свои программы с неисчерпаемым потенциалом горизонтальной самоорганизации и самоуправления на местах» [Тихонов 2017: 7]. Тихонов цитирует Питера Ф. Друкера (США), главного гуру в области методологии управления производством: «Правительство, армия, церковь по сути все важнейшие институты, должны иметь соответствующий орган, который чем-то напоминает орган руководства

предприятием. Но менеджмент, как таковой, представляет собой руководство только коммерческого предприятия. А цель деятельности предприятия — производство товаров и услуг» [Друкер: 22; цит. по: Россия: реформирование... 2017: 8].

Политолог и экономист Л.В. Куликов, по существу солидаризируясь с Тихоновым, расшифровывает смысл внутреннего конфликта, заложенного в структуре политарного синкрезиса через конфликт воспроизводственных логик государственной политики и рыночной экономики: «В отличие от государства, построенного по иерархическому принципу, экономическая система представляет собой сетевую структуру, не допускающую силового вмешательства в ее связи, ибо такое вмешательство всегда приводит к сбоям в товарно-денежном механизме и нарушениям равновесия системы. *Экономика не терпит волюнтаризма*. В этом качестве она является мощным *препятствием* для авторитарных режимов, всегда стремящихся перестроить сетевую структуру в иерархическую. Этой цели (цели подмены сети иерархией — *А.Д.*) отвечает идея национализации, или обобществления средств производства — идея-фикс большевиков-ленинцев. *Будучи объединенными в рамках данной страны в единую социально-экономическую систему, государство и экономика представляют противоположные тенденции ее развития: государство, опираясь на люмпенизированную часть населения, строит всеобъемлющую иерархию, экономика с помощью дееспособной части общества стремится выстроить демократию*. В этом противостоянии государство располагает мощным оружием — правом эмиссии денежных знаков. Если оно пользуется этим правом бесконтрольно и некомпетентно, то экономическая система обречена на поглощение бюрократией с перспективой полного развала... Эта схема была бы идеальна для управления экономическими процессами, если бы они по своей природе не были бы саморегулирующимися» [Куликов 1995: 59–60].

Задача ясна: чтобы обществу развиваться, «слипшийся ком», вобравший в себя власть, собственность и управление, надо «разлепить». Однако 300 лет попыток российской модернизации показали, что этот «ком» «разлепить» невозможно. Историк России Ю.Н. Афанасьев в 2016 г. охарактеризовал российскую государственность конца XX века — периода, когда началась в СССР Перестройка: «Мы пребывали тогда в стране и обществе с дополитической еще, с догосударственной даже культурой. Строго говоря, Россия (СССР) тех времен в плане общего культурогенеза представляла собой не то, чтобы докапиталистический, но не вполне даже и дофеодальный еще тип культуры. Это было нечто вроде патримониально-вотчинного периода. Нечто вроде начала перехода от родоплеменного к ранне- или скорее к псевдогосударственному еще состоянию. В плане общекультурного развития в России (СССР) времен перестройки продолжалась, образно говоря, эпоха Андрея Боголюбского, то есть отечественный XII век» [Афанасьев 2018].

Итак, почти тысячелетняя история «слипшегося кома» в России показала, что «разлепить» этот «ком» невозможно. Невозможно, но надо. И российская интеллектуальная общественная жизнь, начиная с первых шагов модернизации и до сегодняшнего дня, постоянно воспроизводит оппозицию этому архаичному синкрезису, пытаясь гуманизировать механизм управления страной.

Удалось ли решить эту задачу за 300 лет модернизационных усилий? Нет, не удалось. Почему? И как это можно сделать? Постановке этих вопросов и поиску ответов на них посвящена данная статья.

Социокультурные основания и структура политарной монополии

Весь период от правления Андрея Боголюбского (1111–1174) и до великих реформ российского императора Александра II (1818–1881) ознаменовался циклическим усилением ав-

торитарной власти в России, политарного способа управления страной. Все условия и средства производства превратились в сферу власти государства; тотальное огосударствление началось с того, что родилась царская монополия на владение землей и людьми, ее обрабатывающими (высшая форма рабства — К. Маркс). Политарной динамике способствовали родовой локализм в русской культуре, церковь, крепостничество, ослабление роли земских соборных институтов и полная зависимость среднего управленческого звена от воли высшего государственного слоя.

Центральная власть управляла регионами через наместников, баскаков, мурз. В XVII в. в системе местного управления появились городские воеводы, направляемые «на кормление». Они осуществляли административно-полицейские функции, но одновременно на них была возложена обязанность сбора налогов в казну и государственный контроль за финансовой деятельностью предприятий. Царь Федор Алексеевич (1676–1682) стремился активизировать земские соборы, по разным поводам призывал выборных, уничтожил Приказ тайных дел. Но политарная Россия оказалась неререформируемой — царь не получил поддержки снизу: «Само население просило освободить его от предоставленного ему права самоуправления, чтобы „от такого великого разорения не стояти на правеже с голоду и стужи и достальным не погибнуть, и розно не разбрестися“» [Витте 1908: 195–196]. Выборное начало постепенно слабело, в городах укреплялась власть воевод, служилых людей, т. е. представителей государства. В XVII–XVIII вв. расширилась законодательная регламентация частной инициативы в распоряжении землей, хозяйством [Ахиезер: 158–159]. Усилилось политарное стремление государства подчинить вотчинную жизнь определенным правилам, нормам, инструкциям: «Вместо общих положений и ссылок на обычай, вместо молчаливого допущения существующей практики, инструкция XVIII века вносит точные и детальные указания, проникающие в жизнь вотчины и регулирующие все ее подробности» [Новосельский 1929]. При Петре I крайний авторитаризм, в той мере, в какой он распространялся на сферу управления, был закреплен законодательно: «Его величество есть самовластительный монарх, который никому на свете в своих делах ответу дать не должен, но и силу и власть имеет, свои государства и земли, яко христианнейший государь по своей воле и благомнению управляет» [Воинские артикулы Петра I..., арт. 20 (Толкование к 20 статье воинского устава 1716 года); цит. по: Ахиезер 2008: 160]. Монарх и его воеводы стали рассматриваться и как абсолютные управители, и как монополисты творческого начала в обществе, единственные источники позитивных инноваций. В первобытном обществе власть над людьми сочеталась с властью над вещами, и Западу понадобилась долгая эволюция, чтобы она раздвоилась на власть правителя обществом и власть собственника земли и вещей. В России такое разделение произошло очень поздно и было незначительным; политологи называют такие государства матримониальными или «вотчинными». Основной матримониальный реликт — политарная система, пропитанная первобытным локализмом.

Самодержавие.

Известный исследователь России Ричард Пайпс (1923–2017) писал: «Издав серию указов по конкретным промыслам, монархия ввела на них царскую монополию и таким образом устранила конкуренции со стороны частных лиц... Точно так же, как он (царь — *А.Д.*) ранее сделался крупнейшим землевладельцем страны и, де-юре, собственником всех поместий, царь стал теперь единоличным собственником всех отраслей промышленности и шахт (как де-юре, так и де-факто), монополистом во всех областях коммерции, не считая самых мелких... Монархия прочно контролировала торговлю, а о промышленности же можно сказать, что она находилась в исключительной собственности самодержавия». Местный капитал не мог развивать технологически современное по европейским масштабам производство. Поэтому иностранцам «русская промышленность была обязана своим подъемом, находилась

под попечительством монархии, финансировалась совместно царским и иностранным капиталом и управлялась иноземными специалистами. Они работали исключительно на монархию, которой продавали по себестоимости ту часть своей продукции, в которой она испытывала нужду, а прибыль получали от продажи излишков на свободном рынке... Даже предприятия, созданные частично или полностью частным капиталом, не были частной собственностью в строгом смысле слова, ибо правительство могло в любой момент отобрать их у собственников» [Пайпс 1980: 257–260, 287]. Таким образом, политарная скрепа в XVI–XVIII вв. строилась на догосударственном родоплеменном принципе, который вырастал из стремления правящих кругов строить империю по принципу патриархальной семьи с сакральным отцом/царем-батюшкой во главе.

Другим элементом формировавшейся политарной скрепы стало *крепостничество*.

Но оно появилось не потому, что так захотели царь и бояре. Оно, как и самодержавие, родилось вместе с древней русской семьей: «Основанием крепостного права служил начальный тип великорусского общественного быта — дом и двор... Чадам и домочадцам, состоящим под властью господина, по тогдашней терминологии „государя“, казалось очень естественным состоять под его „наказанием“... Древняя великорусская общественность, построенная снизу доверху на начале двора или дома и проникнутая вытекающим из него крепостным правом, была в народных нравах и убеждениях, поддерживалась не насилием, а сознанием» [Кавелин 1989: 213, 215].

Крепостное право домашнего патриарха экстраполировалось на отношения между вотчинником и его крестьянами. Российские историки (К.А. Неволин, Н.П. Павлов-Сильванский, М.А. Дьяконов, В.И. Сергеевич, С.Б. Веселовский и др.) полагали, что крепостничество, родившееся в русской семье, в масштабе социума опиралось на существующий с древности порядок, когда землевладелец был неограниченным самовластителем — владел, управлял, судил, взимал подати, женил, отправлял в солдаты и т. д. Этот с нашей нынешней точки зрения произвол был возможен, так как в личном сознании крестьянина эпохи начала русской цивилизации и затем становления социальных отношений в московско-ордынском социуме не было представления о ценности личной свободы.

О более позднем периоде пишет Ахиезер: «Рост авторитаризма выражался в стремлении к дальнейшему закреплению общества, превращению всех и каждого в составной элемент медиатора. Оно протекало как процесс своеобразной кристаллизации «жидкого элемента» (крестьянства — *А.Д.*), как прикрепление личности к месту, например, к определенному поместью, к начальству, к помещику... Это состояние, которое иногда ошибочно отождествляется с рабством и которое действительно в своих крайних формах тяготело к рабству, нельзя было достигнуть и закрепить лишь средствами насилия или даже экономического закабаления. Не было такой силы, которая могла бы установить крепостничество вопреки воле миллионов. Тем более на это не была способна слабая бюрократия. Крепостничество в России могло возникнуть в результате того, что формирование органического внутреннего единства общества, рост и укрепление государства могли черпать силы главным образом в ценностях локальных миров, в системе локальных личностных отношений. Сама природа крепостничества в России — результат не манипуляции слабого государства, но экстраполяции на большое общество социальных отношений, конструктивной напряженности первобытных локальных миров, выброса этих ценностей древнего локального мира до самых вершин власти, и это означало закреплению всех, вплоть до правящей элиты» [Ахиезер: 168]. Крепостничество, выйдя из традиционной русской семьи, стало тотальной системой в российском обществе — вольный человек в России немыслим вплоть до конца XVIII века. Автор фундаментальной «Социальной истории России» Б.Н. Миронов показал, что даже в конце XIX в. — 20-е годы XX в. крестьянская отцовская составная семья в России — «это ма-

ленькое абсолютистское государство... в основе внутрисемейных отношений лежал иерархизм...». Отсюда его вывод: «Ни в среде крестьянства, ни в среде городских низов патриархально-авторитарная основа внутрисемейных отношений не была серьезно подорвана... Превалирование патриархально-авторитарных отношений в семьях всех сословий поддерживало крепостнический характер социальных отношений в обществе и политический абсолютизм в государстве по той причине, что семьи монархического типа воспитывали в людях черты авторитарной личности» [Миронов 1999: 237, 266, 267]. Здесь уместно вспомнить пьесы А.Н. Островского о жизни российского купеческого мира, особенно его «Грозу».

Третьим элементом политарной скрепы стал высоко коррумпированный *чиновник/предприниматель-компрадор*, снимающий ренту со своей должности/своего рабочего места.

Этот тип предпринимателя/бюрократа академик РАН Ю.С. Пивоваров назвал «плазмой», которая по существу захватила рычаги управления основными отраслями экономики страны и одновременно гасит возможные очаги конфликтов в этих отраслях: «„Партия власти“, наряду с другими путинскими новациями (так наз. укрепление властной вертикали, ослабление реальных полномочий субъектов Федерации и т. д.), и есть создание русской „плазмы“, в которой конфликты будут протекать, не разрушая общества. Только если на Западе эта плазма — социальная, то у нас — властная. На смену Властепопуляции⁴ приходит „властная плазма“. Властепопуляция потому и была сочетанием абсолютной власти и абсолютного бесправия, деспотизма, свободы, рабства, возможностей, безысходности и т. п., что строилась на принципах бесконфликтности и превентивного уничтожения причин конфликтов. „Властная плазма“ есть принятие конфликта *an sich*, вовнутрь себя, где он, сгорая, одновременно получает энергетическую подпитку... Если „социальная плазма“ функционирует, как уже отмечалось, с помощью четких процедур и обязательных для всех правил игры, то „властная“ основывается на коррупции. Именно коррупционный механизм передела финансовых и материальных средств является важнейшим измерением „властной плазмы“. В каком-то смысле коррупция и есть плазма, в которой протекают конфликты-переделы. Коррупция — это среда, в которой развертывает себя в пространстве и времени „государство“» [Пивоваров 2005]. Думаю, что пивоваровская коррупционная «плазма», остро необходимая политарному государству — удачный термин, потому что он верифицируется многовековой российской практикой. Так, председатель антикоррупционного комитета Государственной Думы РФ Ирина Яровая заявила в октябре 2018 г.: «Борьба с коррупцией может разрушить государство. На Украине тоже боролись с коррупцией, и видите, что случилось. Под видом борьбы с коррупцией была разрушена вся система государственной власти. Это никто не замечал, а власть и государство рушилось, поэтому борьба с коррупцией вредна для государства. Считаю, что нет надобности в этом, в России с коррупцией все прекрасно»

⁴ Экономист А. Заостровцев: «В России граждан нет... Вместо граждан в России доминирует властепопуляция. Что это такое? Это популяция, которая почему-то полагает, что не она власть содержит, а власть ее» [Заостровцев 2017]; Пивоваров Ю., Фурсов А.: «Результат нашей великой самодержавной революции — от „Третьего Рима“ до Соборного Уложения (1517–1649 гг.) был диаметрально противоположен западному: в России не возникло ни гражданского общества, ни государства (*nation-state*), ни капитализма. Здесь появилась Самодержавная Власть, единая и неделимая, качественно однородная и по сути единственная. Причем единственная не только как власть, но и как субъект (моносубъект). В XVI–XVII вв. складывающаяся Русская Власть лишила значимой субъектной энергии все то, что с киевских времен выступало в роли исторических субъектов: церковь, боярство, удельные княжества и т. д. Это похищение, экспроприация субъектности, а в известном смысле — „европейскости“ и „христианскости“ в пользу одного сегмента социума и есть великая тайна русской власти и русской истории. Итак, новый русский мир — властечентричен. Власть становится условием существования всех и всего. Оформляется социальный порядок, который мы назвали Русской Системой. Его элементы: - Власть; - Популяция, т. е. население, исторически имевшее, но утратившее субъектные характеристики, чья субъектность при нормальном функционировании власти отрицается по определению» [Пивоваров, Фурсов 2001: 37].

[Яровая]. Прав Пивоваров: коррупция — это «плазма», которая скрепляет элементы политарной политической системы, и рушить «плазму» значит уничтожить политарное государство — глава антикоррупционного комитета Государственной Думы РФ, заявляющая, что «борьба с коррупцией вредна для государства», знает, о чем говорит.

Почему родился коррупционный политарный институт князюбоярства/олигархов в России? И откуда родилась бизнес-государственная коррупция? Где корни этого букета?

Р. Пайпс пишет, что формирующееся российское государство испытывало серьезные трудности, пытаясь целиком подчинить себе производство. «У монархии не хватало управителей для руководства ее торговой деятельностью и разбросанными по всей империи промыслами, такими как солеварение и рыболовство. Поэтому она часто отдавала свои монопольные предприятия в пользование частным лицам на условиях, что те будут ежегодно выплачивать казне определенную сумму из полученной прибыли» [Пайпс 1980: 257]. Так государство создавало откупщиков и концессионеров, которые продавали государству нужную ему продукцию по себестоимости, а излишки товаров выбрасывали на рынок, получая прибыль. В середине XVII в., — сообщает Ахиезер, — высший слой состоявших на государственной службе богатейших деловых людей назывался «гостями» и насчитывал около 30 человек. Они были крупными предпринимателями, но не вполне самостоятельными, они были доверенными людьми царя. По сути, это были высшие хозяйственные чиновники и одновременно субъекты монополий на определенные виды хозяйственной деятельности, соединявшие в себе властные и управленческие функции [Ахиезер 2008а: 145]. Этот тип слияния бюрократии с предпринимательством экстраполировался с самого верха вниз на все уровни системы «власть-собственность-управление» и представлял один из вариантов политарной вертикали. Наиболее характерной фигурой чиновника-предпринимателя-коррупционера в истории России можно считать Александра Меншикова — второе после царя Петра лицо в государстве — *личное состояние которого превышало бюджет страны*⁵.

Итак, политарная пропитанная локализмом ось была синкретична и аморальна. Она пыталась соединить с точки зрения научной логики развития несоединимое — благородную идею формирования субъекта развития как интерес/потребность в саморазвитии самих людей с их исторически сложившимся тотемным мышлением, добровольно передающим свою субъектность/субъективность тотему. Вместе с тем этот «урод» воспринимался населением как естественный, органичный синтез, и поэтому в своей парадоксальной специфике существовал веками. Политарность не могла бы родиться/сохраниться в массовом сознании до настоящего времени, если бы ее корни не существовали в докрепостнической русской культуре, в дохристианском и затем христианском массовом сознании населения России, в социокультурном типе русско-тюркской ментальности.

Политарное правление и идея либеральной реформы (1861–1911)

Антикрепостническая реформа 19 февраля 1861 г.

Цари Федор Алексеевич, Петр I, Екатерина II, Павел, Петр III, Александр I, Александр II были бессильны, когда дело касалось каких-либо элементов представительного правления. Их попытки активизировать местное самоуправление окончились полной неудачей. Эти аспекты реформ абсолютно не принимались обществом. В 1816 г. М. Сперанский (1772–1839) представил Александру I записку «О постепенном уничтожении рабства в Рос-

⁵ Сегодня мы называем таких предпринимателей-чиновников олигархами. Журнал Forbes в мае 2018 г. сообщил о 200 богатейших и наиболее влиятельных миллиардерах России и что 1 % населения России владеют 80 % национального богатства страны: <https://meduza.io/feature/2017/01/09/tak-skolko-vse-taki-v-rossii-bogatyh-i-chemoni-vladeyut>.

сии». Его проект реформы предполагал введение выборности всех законодательных, исполнительных и судебных органов, учреждение Государственной думы с законодательными правами и с ответственным министерством. По существу, предлагался отказ от политарной системы управления обществом и замена политарного принципа на демократический. Но «дней александровых прекрасное начало» (Пушкин) зашло в тупик. Интимный кружок при императоре распался, Сперанский был отстранен.

Однако на всех уровнях власти назревало понимание, что крепостничество как принцип управления страной надо отменять. Состоялась реформа 19 февраля 1861 г., освободившая крестьян от личной зависимости от помещиков. Тем не менее эта великая гуманистическая акция почти не затронула политарной системы, потому что земля осталась у помещиков и у крестьянской общины. В силу своей половинчатости реформа обнажила, углубила раскол в элитах по вопросу дальнейшего реформирования системы управления между политарными ценностями власти/народа и попытками духовной элиты либерализовать политическую систему.

Столыпинская реформа (1906–1911). Либеральная реформа 19 февраля 1861 г. не дала крестьянам землю (разрешенные «выкупы» никого не удовлетворили), сохранив политарность, поэтому в стране ширились крестьянские выступления. По разным подсчетам, за 1905–1907 годы в Европейской России было уничтожено от 3 до 4 тыс. дворянских усадеб, то есть от 7 до 10 % их общего количества. По числу разгромленных помещичьих усадеб выделялись Саратовская, Самарская, Тамбовская, Курская, Киевская и Черниговская губернии [Широкорад]. Чтобы остановить эти выступления, нужна была новая реформа. Столыпинская реформа была нацелена на развитие мелких и средних собственников — единоличных владений в форме отрубного и хуторского хозяйства, которые могли бы стать оплотом государственного порядка и существенно ослабить локалистские связи, доминирующие в общине и укрепляющие политарность. «Столыпинская политика пыталась устранить то нелепое положение, когда у крупной и средней собственности были владельцы, а у мелкой нет, — подчеркивает историк А. Пыжиков. Поэтому главные заботы правительства концентрировались на создании мелкого земельного собственника, а не на поддержании крупного землевладения или пестовании узкого слоя кулаков-мироедов, как вслед за В.И. Лениным уверяла советская историография» [Пыжиков]. Даже некоторые оппоненты Столыпина, признавали: за период столыпинских реформ страна «стала экономически подниматься, общество политически образовываться» [Маклаков: 601]⁶, «к 1914 году зажиточные крестьяне давали 52 % то-

⁶ Решающим шагом реформы стал закон «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении», подписанный Николаем Вторым 14 (27) июня 1910 года. Крестьяне становились собственниками обрабатываемой земли, могли приобретать новые участки. Поощрялось создание отрубов и хуторов, когда земледелец вместо нескольких тонких полос получал отдельный участок, на котором мог вести хозяйство, не сообразуясь с соседями. Была организована программа по переселению в Сибирь. Указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» был принят еще 9-го ноября 1906 г., а Дума утвердила его лишь три с половиной года спустя, в июне 1910. Долгая судьба закона свидетельствует о политической борьбе и страстях, кипевших вокруг аграрного вопроса. Нужно отметить, что указ был принят Столыпиным практически единолично в период после роспуска второй и перед созывом третьей Думы. Даже многие министры узнали о нем лишь после публикации. Оттого сильнее было сопротивление общественности закону. То за, то против него высказывались как представители правых, так и левоцентристских партий. «Не было закона более важного, более спешного, чем указ 9 ноября», — заявлял депутат Бобринский, поддерживая принятие закона. «Мои избиратели мне говорили о том, что закон 9 ноября — это помещичий закон, который делает из крестьян деревенских кулаков и помещиков, а из бедняков — батраков, вечно голодных работников», — не соглашался с ним депутат Кропотков. Реализация закона не разрешила споров вокруг него. Большинство современных исследователей считают его удавшимся и соглашаются со Столыпиным: если бы не случилось первой Мировой, двух революций и Гражданской войны, если бы выдалась в России спокойные 20 лет, то сформировался бы класс кулаков и возродилась бы деревня. За

варного зерна, а помещики — менее 25 %» [Широкоград].

Но увя... слишком много мощных факторов работало против антиполитарной реформы, чтобы она удалась. Фактически уровень сельского хозяйства в России был столь низок, что в чисто экономическом плане община, как это не парадоксально, *не* изжила себя и была выгодна крестьянам. Страна встала перед роковым противоречием. С точки зрения мировых достижений общинное земледелие было непродуктивной архаикой, но с точки зрения непосредственных носителей этой системы переход к более сложным формам хозяйства представлялся неоправданным и в значительной степени невозможным. По существу, переход от общинного земледелия к индивидуальному землевладению и землепользованию был непобедимой для государства в начале XX века задачей, и Столыпин оказался жертвой трагической иллюзии всемогущества российского государства. Крах столыпинской реформы фактически означал, что альтернативная линия на переход страны к либеральной цивилизации, на освоение ценностей правового государства, частной инициативы, на переход к господству интенсивного воспроизводства, ориентации на рынок и формирование большого общества зашла в тупик. В результате община — один из столпов политарной системы — устояла и на этот раз.

Поэтому объективное значение столыпинской реформы заключалось не в ее экономических достижениях, какими бы значимыми они не были, а в том, что она объективно послужила обратному — стала важным звеном в мощно нарастающей активизации массовой уравнительности. Она спровоцировала нарастание *эффекта бумеранга*, разбуженной соборности основной массы крестьянства, что и явилось определяющим фактором дальнейшей динамики общества, все более тяготеющей к архаизации социальных отношений, к бунту, революции, гражданской войне [Ахиезер 2008а: 307, 308, 312]. Реформа стала одним из основных спусковых крючков антиреформы, нацеленной на сохранение политарной системы.

Политарная система

и Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка»

Реформы, начавшиеся 19 февраля 1861 г., продолжались. Разворачивалось наступление правительства на сельскую общину. Указ Николая II от 9 ноября 1906 г., закон от 14 июня 1910 г., положение о землеустройстве от 29 мая 1911 г., начавшаяся в ноябре 1906 г. аграрная реформа П. Столыпина — все было направлено на разрушение общины и развитие частнособственнического ведения сельского хозяйства и предпринимательства в деревне. Это был исторический поворот. Действия правительства выглядели убедительно. Однако оно недооценило силу общины и свою способность выполнить поставленную задачу — рост социального творчества на локальном уровне при отказе от мышления традиционными абсолютами может быть разрушительным для медиатора. Нарастала общая дезорганизация. Начались голодные бунты. Во всех слоях населения росло разочарование реформой 19 февраля. Либералы грезили революцией. Спусковыми крючками протестов стали катастрофическое поражение России в войне с Японией (1905 г.) и расстрел рабочих 9 января 1905 г. Чтобы сохранить контроль над страной, власти в 1905 г. были вынуждены принять знаменитый Манифест 17 октября «Об усовершенствовании государственного порядка» и Основные государственные законы Российской империи — свод законоположений об общих началах государственного строя Российской империи, по существу первую Российскую конституцию (свод действовал в России с 23 апреля 1906 по 1 сентября 1917 г.).

восемь лет действия закона около половины хозяйств перешли в личную собственность, многие крестьяне вышли из нищеты [Что Столыпин планировал сделать в России. — 22.09.2018. — Доступно: <https://zen.yandex.ru/media/cyrillitsa.ru/chto-stolypin-planiroval-sdelat-v-rossii-5b878cf7848f4100adc2532e?from=channel>].

Манифест вводил в стране либеральную (по существу, социал-демократическую, анти-политарную) систему управления. В каждом слове манифеста была видна жажда единения правительства с народом. Манифест даровал населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», он гарантировал участие в Думе классам населения, лишенным ранее избирательных прав, «предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права». Манифест гарантировал реальное осуществление свобод, «чтобы никакой не мог воспрять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действия постановленных от нас властей» [Государственная дума... 1957: 90–91]. По существу, Россия была объявлена свободной страной, либерально-демократические принципы восторжествовали, утвержденные как официальная доктрина. Была совершена попытка беспрецедентных изменений в нравственных основах жизни.

Что же могло произойти с системой управления, если бы положения Манифеста полностью реализовались? Безусловно, это было бы последовательным доведением до конца антикрепостнической политики правительства. Из политарной системы выбивались самые фундаментальные звенья: 1) уничтожался принцип крепостничества и вводились элементы гражданского общества, 2) монархия становилась конституционной, и ее власть, как и в Европе, ограничивалась парламентом (Государственной Думой), представительными учреждениями, законами, новой для России моралью — моралью политической конкуренции и достоинства личности. Так что? Победа? Манифест предсказал конец политарной системе? Управление автоматически освобождалось от диктата монархической власти и у него впервые появилась возможность свободно управлять, руководствуясь не интересами наследственной власти, а целями развития общества и, следовательно, требованиями науки? Да ничего подобного.

Родовой локализм — этот сторожевой пес самодержавия, крепостничества, политарности — никуда не девался. Анализ российской культурной реальности, осуществленный в Манифесте, был очень слабым. Авторы Манифеста думали, что либеральными декларациями и социал-демократическими лозунгами, заимствованными из политической культуры Запада, они убили русскую общину, уничтожили монолог и локализм в русской культуре. Община действительно отживала последние годы, но принцип общинных социальных отношений, общинного менталитета, локалистский принцип закрытости и круговой поруки, переходящий в мафиозность, универсальные локалистские идеалы «свой — чужой», «друг — враг», «либо — либо», противостоящие идее большого общества, антигосударственный общинный принцип «за царя, но против начальства», сговор одной части общества с другой в ущерб общественному договору, ведущий к взаимному озлоблению, расколу и гражданской войне, из голов и сердец людей никуда не делись. Общину разрушали, а монологичный локализм как культурную основу общинных отношений в сознании людей не тронули. Родовые первобытные универсалии по-прежнему доминировали в индивидуальном менталитете, в общественной морали, самые передовые формы социальных отношений автоматически превращая в глубокую архаику. Убийство Столыпина в 1911 г. символизировало крах либеральной реформы.

А была ли альтернатива? Ее не было.

Ахиезер пишет: «В качестве истины фигурировала некая манихейская карикатура, которая заклемила власть как некий шабаш зла, насилия, мироедства» [Ахиезер 2008а: 315]. Либеральный манифест вызвал взрыв антилиберализма, на улицах городов появилась новая, ранее неизвестная сила, получившая название «черная сотня» с лозунгом «бить жидов и панов», революционные партии перешли к самому разнузданному анархическому «безмотивному террору» против «буржуазии вообще». В 1905 г. только эсэрами было убито 1000–

1500 человек [Ахиезер: 323]. Начались грабежи, массовые убийства... в поддержку царя, но на самом деле — против царя, изменившего себе и народу и подписавшего либеральный манифест. Л.Н. Толстой в 1910 г. писал: «Вандалы... уже вполне готовы у нас в России. И они, эти вандалы, эти отпетые люди, особенно ужасны у нас, среди нашего, как это ни странно кажется, глубоко религиозного народа. Вандалы эти особенно ужасны у нас именно потому, что у нас нет того сдерживающего начала, следования приличию, общественному мнению, которое так сильно у европейских народов. У нас либо истинное, глубоко религиозное чувство, либо полное отсутствие всяких, каких-либо сдерживающих начал: Стенька Разин, Пугачев... И, страшно сказать, эта армия Стеньки и Емельки все больше и больше разрастается благодаря таким же, как и пугачевские, деяниям нашего правительства последнего времени с его ужасами полицейских насилий, безумных ссылок, тюрем, каторги, крепостей, ежедневных казней» [Толстой 1987: 326–327].

Разочарование в Манифесте 17 октября 1905 г. носило тот же характер, что и разочарование крестьян в реформе 19 февраля 1861 года. Почему? Манифест не удовлетворил крайне антигосударственные авторитарно-вечевые ценности крестьянства и рабочего класса. Нацеленная на то, чтобы создать новое, более эффективное институциональное государство, более свободное институциональное общество и более свободного субъекта развития — личность, либеральная реформа рухнула под напором разбуженной догосударственной соборно-политарной стихии.

Политарная система и события 1917 г.

Либеральная реформа не нашла путей к тому, чтобы организационно направить рост активности людей на поддержку государства, не предотвратила превращения этой активности в разрушительную силу. Великий звездный час России, вступившей на путь свободы и прогресса, оказался шагом в бездну. Начавшаяся в 1914 г. мировая война оказалась непосильным испытанием для России — усиливалась дезорганизация общества, рухнул рынок, крестьяне прекратили продажу хлеба, нарастала разруха. Ни пойти на дальнейшие уступки либералам, ни навстречу идеям фаворита императорской семьи монаха Григория Распутина — *мир с Германией, раздел помещичьих земель и передача их крестьянам* — царь не решился. Произошла так называемая Февральская революция. Возникла реальная возможность начать замену политарной системы управления на капиталистические социальные отношения.

Но российская буржуазия была еще слаба и не способна превратить рынок в основу жизни большинства населения. Она была, с одной стороны, зажата между основной частью населения, живущей *дорыночными* представлениями, а с другой стороны, властью, которая, опираясь на нравственные основания *синкретической* государственности, должна была держать частную инициативу как своего основного противника под бдительным контролем и управлением. Р. Пайпс, давая оценку краха февральских событий, считает, что «Россия пропустила случай создать буржуазию, когда это было еще возможно, то есть на основе мануфактуры и частного капитализма» [Пайпс: 291]. Можно сказать и по-другому: Россия, когда власть встала на путь либеральных реформ, упустила случай начать демонтаж политарной системы управления, чтобы заменить ее на капиталистическую, в основе которой лежали принципы частной инициативы и частного права. Власть думала, что введя демократические принципы в управление страной, страна автоматически станет демократической. Нет. Нужен был длительный период идеологической борьбы с локализмом. Нужно было начинать эпоху капиталистического (социал-демократического, либерально-демократического, личностного, гуманистического) просвещения масс. Почему?

Вот выводы историков М. Покровского, В. Ключевского, С. Соловьева, А. Ахиезера, И. Клямкина, И. Яковенко, Р. Пайпса.

В февральских событиях 1917 г. врагом российской политарности не были капитализм, буржуазия, пролетариат и стремление воплотить в жизнь демократию, рынок, права человека. Пайпс (США) писал: «В февральских событиях... движущие силы были иными. Это было возмущение масс против дезорганизации. Нарастающий локализм дошел до крайней точки своего отказа от государственности, сокрушив ее не столько своим действием, сколько полным нежеланием ее поддерживать, воспроизводить... Лозунг свержения самодержавия приобретал массовую поддержку. Очевидно, что превращение царя в народном сознании в антитотем, разоблачение его как оборотня, означало, что одновременно шел напряженный, подчас мучительный поиск нового тотема... Массовая сила, отхлынувшая от государства и тем самым свалившая власть, была неконструктивна и не могла управлять государством. Власть свалилась либералам как снег на голову. Государственная Дума, правительство А.Ф. Керенского (15 марта 1917 – 8 ноября 1917) не могло противостоять начавшейся дезинтеграции страны. Локальные идеалы торжествовали победу». Р. Пайпс писал: «За несколько месяцев Россия вернулась к средневековью домосковского периода, когда она представляла собой скопление удельных княжеств. Буквально за ночь рухнули столетние усилия, затраченные на строительство государства... Официальный лозунг „*Вся власть советам*“ облегчал этот процесс, позволяя региональным советам различных уровней — краевым, губернским, уездным и даже волостным и сельским — требовать независимой власти над подчиненными им территориями. Результатом стал полный хаос...» [Пайпс 1987: 95]. Уже в 1905 г. появились самостийные республики, в 1918 г. их было 30: в Ростове-на-Дону, Новороссийске, Сочи, Красноярске, Чите, республики Шлиссельбургского и Петроградского уездов, позже — в Гельсингфорсе, Риге, Ревеле, Пензе, Казани, Самаре, Минске, Екатеринбурге, Царичине, Енисейске и других городах. Географический принцип локализма был: «Мы казаки — что нам Россия?», «Что нам до России, ежели мы псковские?», «Урал — уральцам», «Волга — волгарям» и т. д. Общество, лишненное достаточно сильных культурных интеграторов и рыночных связей, атомизировалось. Силы, стоявшие за частной инициативой и работавшие на идею большого общества, были слабы и имели против себя гигантскую мощь этнокультурных соборно-авторитарных традиций, пронизывающих весь общественный порядок. В стране господствовала атмосфера митинга, анархии, воли, где все слои населения были заняты оттачиванием своего монолога, внося свою лепту в растущую дезорганизацию, иногда даже неизвестно было, почему люди не работают, бастуют, враждуют.

Временное правительство не имело поддержки прежде всего потому, что пыталось затормозить гигантскую инверсию, задержать ее в момент, когда, как многим казалось, до чуда, до божьего царства на земле, до новой жизни и победы *народной Правды* оставалось совсем немного. Правительство Керенского *не* истребляло богачей, когда это было так легко и во многих губерниях уже полыхали дворянские усадьбы. Оно *не* отдавало землю крестьянам, а фабрики рабочим, отодвигая решение аграрных проблем и других проблем отношений собственности к созыву Учредительного собрания, а значит — защищало помещиков и фабрикантов. Оно *не* выступало против войны с Германией, было против лозунга «штык в землю». Оно *не* позволяло солдатам покидать фронт, хотя войны не хотел никто, и солдаты целыми подразделениями уходили с передовой — значит было заодно с изменниками-генералами и изменниками членами царской семьи, в которой императрица была немка. Оно *не* позволяло рабочим саботировать производство, «требовало укрепления государственности и дисциплины, а значит — насаждало чиновников и поддерживало хозяев. А между тем Правда, как казалось большинству, была рядом. Оружие в руках, власть слаба и занята разговорами. В стране не было силы, которая могла бы остановить инверсию, движущуюся к полному

торжеству локальных идеалов, к власти, которая удовлетворит все утилитарные потребности... Народ издревле черпал уверенность в себе, растворяясь во внешней силе отца, идола, царя. Теперь к царю приобщаться было нельзя, так как он потерял монологичность, черты носителя однозначной Правды, стал антитотемом... Монархия пала потому, что царь, правящая элита повернули на путь либеральных реформ, а не потому, что эти реформы оказались недостаточно либеральными или недостаточно радикальными... Временное правительство пало по той же причине, что и царское. Его никто не защищал, ни войска, ни население. Его сбросили при полной безучастности народа, воспроизводственная деятельность которого уже давно покинула государство» [Ахиезер: 341, 343–345; см. также документы этого периода в: Белая Россия... 1937: 8–13].

Возникает вопрос: а что догосударственная политарная система? Она уцелела — в сознании русского человека, прошедшего через революционные события 1905–1917 гг., в его ментальных настройках, в его личной культуре. Так почему же реформы, нацеленные на разрушение главного института, угнетающего людей — политарной системы — не прошли?

Опыт социальной динамики России в 1861–1917 гг. показал, что рост масштабов товарно-денежных отношений, свержение царя и затем Временного правительства, пытавшихся проводить либеральные реформы, декларирование демократических ценностей далеко не всегда свидетельствуют о развитии капитализма или даже движении к нему. Этот процесс, если он социально не вызревший и идейно не сформировавшийся, может иметь совершенно обратный эффект («эффект бумеранга»), то есть быть фактором массового роста дискомфорта, которое подготавливает массовый взрыв, уничтожающий не только ростки капитализма, но и ростки утилитаризма — формы жизни, отдаленно предшествовавшие капитализму. Активизация основной массы населения шла в направлении воспроизводства догосударственных, дофеодальных отношений, то есть политарной системы, против либеральных намерений царского двора, затем Государственной Думы и демократического Временного правительства. Попытка разрушить политарные социальные интеграторы, заменяя их на новые, либеральные, социал-демократические, отказаться от старого способа развития, устанавливая новый, может иметь разрушительные последствия. Конфликт между политарно ориентированной русской культурой и формирующимся большим обществом, пытавшимся развить в себе гражданские социальные отношения в 1861–1917 гг., закончился тем, что власть в стране была захвачена большевиками, по мнению Григория Федотова (1886–1951) — русского историка, философа, религиозного мыслителя и публициста — «несомненно, *самым почвенным* (курсив мой — *А.Д.*) из русских революционных движений» [Федотов 1981: 58] и, следовательно, наиболее заинтересованном в том, чтобы сохранить догосударственную политарность как почвенное основание российской империи, пусть и с помощью пролетарского государства. Ахиезер считает, что «события, связанные с большевистским переворотом 1917 года, следует рассматривать как попытку восстановить утраченное в обществе влияние архаичной культуры, соответствующей системы управления» [Ахиезер 2008б: 318].

(Продолжение следует).

Афанасьев Ю.Н. 2015. Советский социум был к 1985 году расчеловечен и раскультурен. — *Лента.ру*. — 03 июня. — Доступно: <https://lenta.ru/articles/2015/06/03/afanasiev/>. — Проверено: 10.12.2018.

Ахиезер А.С. 2008а. *Россия: критика исторического опыта*. 3-е изд. — М., Новый хронограф. — 935 с.

- Ахиезер А.С. 2008б. *Труды. Т. 2.* — М.: Новый хронограф. — 501 с.
- Ахиезер А.С., Клямкин И.М., Яковенко И.Г. 2013. *История России: конец или новое начало?* — М.: Новое издательство. — 493 с.
- Белая Россия... 1937. *Белая Россия.* — Нью Йорк. Издание Главного правления Зарубежного союза русских военных инвалидов.
- Васильев Л.С. 1985. *Курс лекций по Древнему Востоку (Ближний Восток).* Учебное пособие по спецкурсу. — М.: МГИМО. — 102 с.
- Васильев Л.С. 2012. Древней Руси, не знавшей античности, западное начало не могло играть сколько-нибудь существенной роли. — *История и историческое сознание. Под общей ред. И. Клямкина.* — М.: Фонд «Либеральная миссия». — 480 с.
- Витте С.Ю. 1908. *Самодержавие и земство. Записка б. министра финансов, статс-секретаря гр. С.Ю. Витте.* — СПб.: Б.и. — 222 с.
- Гольц Г.А. 2002. *Культура и экономика России за три века.* — Новосибирск. Сибирский хронограф. — 536 с.
- Государственная Дума в России в документах и материалах... 1957. *Государственная Дума в России в документах и материалах.* — М.: Юридическая литература. — 646 с.
- Данилевский И. 2012. Деспотическое государство возникло и стало воспроизводиться на Руси с XII века. — *История и историческое сознание. Под общей ред. И. Клямкина.* — М.: Фонд «Либеральная миссия». — 480 с.
- Заостровцев А. 2017. А зачем им это? — Петербургская интернет-газета «Фонтанка.ру». — 04 марта. — Доступно: <https://www.fontanka.ru/2017/03/04/034/>. — Проверено: 10.12.2018.
- Кавелин К. 1989. *Наш умственный строй.* — М.: Правда. — 656 с.
- Карамзин Н.М. 1988. *Предания веков.* — М.: Правда. — 766 с.
- Карнович Е.П. 1874. *Замечательные богатства частных лиц в России: экономическо-историческое исследование.* — СПб.: Типография К.Н. Плотникова. — 388 с.
- Книпович Б.Н. 1920. *Очерки деятельности Народного Комиссариата Земледелия за три года (1917–1920).* — М.: Госиздат. — 46 с.
- Ключевский В.О. 1988. *Сочинения в девяти томах. Т. 2.* — М.: Мысль. — 448 с.
- Куликов Л.В. 1995. *Россия: прошлое, настоящее, перспективы.* — М.: Материк. — 97 с.
- Лепский В.Е. 2015. Постнеклассическая методология формирования образа будущей России. — *Рефлексивные процессы и управление. Под ред. В.Е. Лепского.* — М.: Когито-Центр. — С. 225–232.
- Маклаков В.А. 1942. *Вторая государственная дума. Воспоминания современника.* — Париж.
- Миронов Б.Н. 1999. *Социальная история России в 2-х т. Т. 1.* — СПб. «Дмитрий Буланин».
- Новосельский А.А. 1929. *Вотчинник и его хозяйство в XVII веке.* — М-Л., Изд-во АН СССР. — 192 с.
- Пайпс Р. 1980. *Россия при старом режиме. Перевод с англ. В. Козловского.* — США. Кембридж (Масс.).
- Пайпс Р. 1987. Создание однопартийного государства в советской России. 1917–1918 г. Перевод с англ. — *Минувшее. Исторический альманах.* — № 4. — С. 95–139.
- Пивоваров Ю.С. 2005. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита. — *Полис. Политические исследования.* — № 6.
- Пивоваров Ю.С. 2015. О «советском» и путях его преодоления. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований.* — № 2. — С. 53–96.

Пивоваров Ю., Фурсов А. 1996. Русская система. — *Рубежи*. — № 3.

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. 2001. «Русская Система» как попытка понимания русской истории. — *Полис. Политические исследования*. — № 4.

Пыжиков А.В. 2013. *Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года*. — М.: Древлехранилище. — 699 с.

Россия: реформирование... 2017. *Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов*. — М.: ФНИСЦ РАН. — 429 с.

Семенов Ю.И. 1988. Социально-экономический строй древнего Востока. Современное состояние проблемы. — *Народы Азии и Африки*. — № 2. — С. 151–165.

Тихонов А.В. 2017. Предисловие. — *Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов*. — М.: ФНИСЦ РАН. — 429 с.

Толстой Л.Н. 1983. Три дня в деревне. — *Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах. Т. 14*. — М.: Художественная литература. 1978–1985. — С. 320–338.

Федотов Г.П. 1992. Россия и свобода. — *Федотов Г.П. Судьба и грехи России в двух т. Т. 2*. — СПб.: Издательство «София». — С. 276–303.

Чаусов А. 2017. Андрей Боголюбский: ходил ли он в Крестовые походы. — Кириллица.ру. — 08.11. — Доступно: <https://cyrillitsa.ru/history/51879-khodil-li-andrey-bogolyubskiy-v-krestov.html>. — Проверено: 10.12.2018.

Широкоград А. *Кто виноват в гражданской войне?* — VESTI.UZ. — 02 октября. — Доступно: <https://vesti.uz/kto-vinovat-v-grazhdanskoj-vojne/>. — Проверено: 10.12.2018.

Яровая И. 2018. Борьба с коррупцией может разрушить государство. — *Яндекс.Дзен*. — 27 сентября. — Доступно: <https://zen.yandex.ru/media/etc/deputat-iarovaia-borba-s-korruptciei-mojet-razrushit-suverenitet-gosudarstva-5bac4607519f9a00aa936dc8>. — Проверено: 10.12.2018.